

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СЕВЕРА

Возникновение художественной литературы у народов Севера¹, еще четверть века назад не имевших своей письменности, свидетельствует о выдающихся успехах национальной политики Коммунистической партии. Отражая громадный духовный подъем создающих ее народов, эта литература, формирующаяся в условиях социалистического общества, отличается большой оригинальностью и своеобразной художественной прелестью. Она начала складываться с конца 1920-х годов, когда впервые у этих народностей стала формироваться своя интеллигенция. Зачинателями ее были учащиеся национальных техникумов и студенты северных факультетов высших учебных заведений Москвы и Ленинграда. В школьных газетах, журналах, альманахах учащиеся испытывали свои силы в различных литературных жанрах. Создавая свои произведения на родном языке, они, не имея еще своей письменности, обычно пользовались для записи их латинским или русским алфавитом. От этих первых лет сохранились интересные памятники, наглядно показывающие истоки, пути и формы развития литературы.

В 1927 г. студенты Северного факультета Ленинградского восточного института приступили к созданию книги для чтения, предназначенной для учащихся местных национальных школ, не знающих русского языка. В результате двух лет работы получилось обширное собрание рассказов и очерков, которые можно считать первыми письменными произведениями народов Севера². Многие из этих произведений были написаны по собственной инициативе молодежи, другие представляли собой сочинения на заданные темы. Эта книга вышла в 1929 г. под названием «О нашей жизни». Она состояла из трех частей: старый и новый быт; промыслы; фольклор. В это же время вышла аналогичная книга для нанайцев и ульчей, содержащая бытовые рассказы, сказки, предания и переводы русских общественно-политических произведений³. Близким по типу изданием были сборники «Тайга и тундра»⁴, но, в отличие от книг для чтения, в них преобладала современная тематика. Содержание их строилось по отделам: советское строительство и просвещение; старый и новый быт. Много очерков было посвящено жизни студенчества. Произведения начинающих авторов публиковались и в студенческой газете «Инсовец».

В этих изданиях, вышедших в Ленинграде, участвовали авторы, принадлежавшие к пятнадцати северным народностям: чукчи, коряки, камчадалы, юкагиры, чуванцы, эвенки, долганы, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, нивхи, ненцы, ханты, манси. Среди этих первых литераторов были и женщины (хантыйка Хабарова, ненка Талеева, эвенкийка Афанасьева, камчадалка Машихина).

С 1932 г., когда для народов Севера была создана письменность на родных языках, в местных учебных заведениях возникли кружки национального творчества, работавшие под руководством русских преподавателей. В этих кружках занимались начинающие писатели, переводчики, фольклористы, художники. В корякской нацио-

¹ Речь идет о тех народах Крайнего Севера, которые были выделены правительством в особую группу «малых народностей Севера», пользующуюся до настоящего времени особенным вниманием и помощью Советского государства.

² «О нашей жизни», Сборник рассказов, написанных студентами Северного фак. Ленингр. вост. ин-та и обработанных преподават. А. К. Подгорской, вып. I. Север; вып. II. Восток. Л., 1929.

³ Nana Vichoni, Гольдско-ульчская книга для чтения. Т. Петрова, изд. Северного фак. Ленингр. вост. ин-та, Л., 1929.

⁴ «Тайга и тундра», № 1—5, Северный кружок при Северном фак. Ленингр. вост. ин-та, Краеведческий кружок ин-та народов Севера, Л., 1928—1933.

нальной советско-партийной школе выходил журнал⁵, в котором печатались первые произведения на корякском языке (очерки, рассказы, исторические предания). Кружок Ханты-Мансийского педагогического училища выпускал альманах с большим литературным отделом⁶. Оживленно работал и возникший в 1932 г. кружок Ямальского национального педагогического училища. Участники его собирали фольклор, переводили произведения Пушкина, писали стихи, рассказы и пьесы на ненецком языке. Этот кружок также имел свой журнал⁷.

Первый литературный призыв дал известных впоследствии писателей и поэтов ставших основоположниками национальной литературы. Таковы хант Л. Вайветкин, ненцы И. Ного и Н. Былка, эвенки В. Пежемский, А. Салаткин-Лонтогир, Н. Сахаров и др.

Тематика первых произведений характерна для начального этапа формирования литературы. Впервые соприкоснувшись в школе и кружках с русской художественной литературой и делая попытки создать собственные произведения в письменной форме творчески одаренная молодежь черпала темы и сюжеты из жизни своего народа, воспоминаний детства и устного народного творчества. Поэтому их произведения насыщены этнографическими сведениями. В очерках и рассказах отражена прежняя жизнь ненцев, хантов, мансов, эвенков, нанайцев, нивхов и других народов. Авторы описывают родную природу, тайгу и тундру, смену времен года и особенно любовно изображают наступление весны, несущей тепло и свет, появление рыбы и птицы. едва ли не главное место занимают рассказы об исконных промыслах и прежде всего об охоте. Эти рассказы богаты интересными деталями, характеризующими разнообразные приемы добычи зверей, в них занимательно описаны различные происшествия, случившиеся охотниками. В одних рассказах нашел отражение быт оседлых рыболовов, в других описывается жизнь кочевых оленеводов, тяжелый труд пастуха, постоянные кочевки и пр. Много очерков и рассказов посвящено семейной жизни, в них обрисовано устное положение женщины, тяжелая доля сирот, изображены свадебные обряды, сватовство, калым. Они дают представление о народных верованиях и роли шамана. Встречаются описания праздников, любимых развлечений и т. п.

В произведениях на современные темы рассказывается о гражданской войне, красных партизанах, первых национальных советах и школах, пионерских отрядах и комсомольских организациях, о начинавшейся индустриализации и организации колхозов, сопротивлении кулаков и шаманов. Таковы, например, содержательные очерки коряк П. Гуторова⁸ и эвенка Д. Диодорова⁹. Интересны рассказы студентов о первых путешествиях, совершенных с Камчатки, Сахалина и других далеких окраин в крупные центры страны. Молодежь делится впечатлениями, которые на нее произвели каменные громадины-дома, площади и улицы, городской шум и движение, общенародные праздники и демонстрации. Яркое представление об этих своеобразных впечатлениях дают очерки коряка Н. Ноянова¹⁰, нанайца Я. Самара¹¹, анонимных авторов долганов, камчадалов и других¹² («Город Ленинград», «Как я попал на Севфак», «Поезда в Москву» и появившееся позже автобиографическое стихотворение «Ленинград» эвенка Г. Чинкова).

Значительное место в этих первых сборниках занимает фольклор: былины о богатырях и междоусобицах, различные предания, сказки, быльщины. Многие из этих текстов содержали не известные ранее сюжеты или новые варианты. Ненец А. Хатанзейский опубликовал записанные им на Мурмане тексты под названием «Самская старина и сказки»¹³. Эвенк Ачкин записал баргузинскую «Легенду о Ермаке»¹⁴ в которой подвиги героя перенесены в Забайкалье. Г. Орлов опубликовал быльщину «Сирота Талка»¹⁵. Особенно богато представлены излюбленные северными народами сказки о животных (эвенкийские, ульчские, нивхские, хантыйские и др.). Некоторые из опубликованных фольклорных произведений представляют собой лишь запись устных повествований, другие носят явные следы литературной обработки.

Эти первые произведения литературы народов Севера далеки еще от подлинно художественного творчества. Тем не менее все они представляют большой интерес как зачаточные формы развития литературы. Некоторые из них напоминают отрывки из дневников, другие — маленькие рассказы или стихотворения в прозе, иные близки к очерку либо статье. Язык отличается своеобразием словаря. Своеобразна и конструкция речи: преобладают существительные, мало прилагательных; очень редко встреча-

⁵ «К новой жизни», Журн. курсантов Корякской нац. советско-партийной школы № 1—2, Корякская культбаза Комитета Севера, 1933.

⁶ «Советский Север», Фольклорно-этнографич. и литературно-искусствоведческий альманах, № 1—4, Кружок нац. творчества Ханты-Мансийского педагогич. училища Ханты-Мансийск, 1937.

⁷ «Искра Ямала», Литературно-производств. журн., Комитет ВЛКСМ и профком Нац. пед. училища, Салехард, 1937—1945, №№ 1—4; 1948—1954, №№ 1—5.

⁸ П. Гуторов, Шаманская организация в селе Карага, «Тайга и тундра», № 1 (4), 1932.

⁹ Д. Диодоров, Советская тайга не для кулака, «Тайга и тундра», № 3, 1931.

¹⁰ Н. Ноянов, С Камчатки в Ленинград, «Тайга и тундра», № 1 (4), 1932.

¹¹ Я. Самара, Впечатления от демонстрации, «Тайга и тундра», № 1 (4), 1932.

¹² «О нашей жизни», вып. 1, Л., 1929.

¹³ «Тайга и тундра», № 2 (5), 1933.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ются сложные, особенно придаточные предложения, почти совсем отсутствуют деепричастные обороты. Заметно стремление пользоваться прямой речью, местоименными формами, однокоренными словами¹⁶. Наряду с этим можно отметить попытки обогащения языка новыми словообразованиями, заимствованными из русской речи (последние относятся главным образом к отвлеченным понятиям и не известным ранее явлениям материальной культуры).

Под непосредственным воздействием русской литературы авторы вводят, преимущественно в поэзии, прием сравнений, довольно редкий или совсем не известный в фольклоре некоторых народностей. Образы для сопоставлений они черпают из родной природы или привычной бытовой обстановки. Эти сравнения нередко поражают русского читателя своей неожиданностью. Так, изображая городскую жизнь, коряк Ноянов, эвенок Чинков и другие авторы сравнивают большие здания с горами, узкие улицы — с ушельями, трамвай — с бегущими домами или железными нартами. Люди лютуют по городу, словно вода, без остановки; толпа кипит, как море, или напоминает муравейник и тучи комаров в тайге. Автомобили вызывают представление о медведях с круглыми ногами и необязательно большими ледяными глазами.

Участники творческих кружков благодаря постоянным занятиям литературой приобрели опыт работы над языком, у них постепенно формировалась литературная речь. Хотя отсутствие в те годы национальной письменности замедляло эти процессы, некоторые хорошо овладели языком и создали настоящие художественные произведения. Можно вспомнить рассказ эвенка Никулина «Моя первая охота на сохатого»¹⁷, стихотворение его соплеменника В. Пежемского «Тунгусу ИНС»¹⁸, призывавшее молодежь «занести луч ленинского знания» на родину, талантливую прозу и поэзию на ненецком языке И. Истомина («Шаман разоблачен», «Тундрник Сталину»)¹⁹ и другие. Особенно удачны в художественном отношении сказки, литературно обработанные эвенками, а также некоторые произведения корякской молодежи.

Произведения зарождавшейся литературы народов Севера носили черты реализма. Созданные на материале личных воспоминаний и рассказов стариков, зарисовки прежнего быта правдиво отражали тяжелую жизнь среди суровой природы, постоянные опасности и лишения, «замечательные качества трудового люда — честность и мужество». Авторы ярко оттеняли контрасты между прошлым и настоящим. Уже в самые начальные годы советского строительства произошли огромные перемены в сознании полупервобытных охотников, еще накануне находившихся в плену патриархально-родовой идеологии и анимистических представлений, всяческих запретов и других предрассудков. С каждым днем мир для них все более расширялся, раздвигались тесные стены чума, мысль и воображение вырывались далеко за пределы привычного стойбища. Выразителями нового мировоззрения, только еще возникавшего в гуще трудового люда, стали передовые его представители — первые коммунисты, комсомольцы, молодежь, воспитанная советской школой и особенно сближавшаяся с русскими. Произведения вышедших из ее среды первых литераторов были результатом обогащения сознания и творческой потребности запечатлеть в художественной форме явления социалистической действительности, поделиться со своим народом новыми мыслями.

Вспоминая тот уже далекий начальный этап развития литературы народов Севера, надо воздать должное русским деятелям, воспитавшим первые писательские кадры. Русские учителя, этнографы и лингвисты создавали кружки национальной самодеятельности, любовно выращивали творчески одаренную молодежь. Помимо школьного обучения, они занимались с ними в кружках русским и родным языком и русской литературой, учили собирать и записывать фольклор, руководили сочинениями на заданные темы и переводами, помогали издавать журналы, сборники и т. д. Так, книга для чтения «О нашей жизни» была создана трудами педагога А. К. Подгорской, организаторами сборников «Тайга и тундра» были этнографы В. Г. Богораз и Н. К. Каргер, а журнала «Искра Ямала» — учитель П. Е. Чемагин. С. П. Стебницкий вырастил талантливую группу учеников-коряков, основавших свой журнал; этнографы и лингвисты В. В. Сенкевич и И. С. Гудков создали кружок национальной самодеятельности и альманах «Советский Север», откуда вышли первые хантыйские и мансийские писатели.

Дальнейший путь литературы народов Севера связан с небывалым развитием края в годы первых пятилеток. Индустриализация сопровождалась экономическим и культурным подъемом отсталых окраин, приливом туда русского населения, ростом и укреплением организаций Коммунистической партии. С образованием национальных округов и районов ускорился процесс реконструкции хозяйства, началась перестройка быта коренных народностей, приобщение их к новой культуре. Создание национальной письменности явилось началом подлинной культурной революции: массового просвещения, быстрого формирования национальных кадров и собственной интеллигенции, развития национальной печати.

Новые явления ежечасно вторгались в застоявшийся веками быт, обогащали родную речь новыми словами, рождали новые мысли, способствовали развитию социали-

¹⁶ Эта характеристика относится главным образом к первым произведениям, вошедшим в сб. «О нашей жизни» (вып. 1, Л., 1929).

¹⁷ «Тайга и тундра», № 2 (5), 1933.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Искра Ямала», 1937, № 1.

стического сознания. Именно в ту пору возникло у народов Севера понятие «родны» — не как своего маленького уголка, а как необъятного и могучего социалистического отечества; «труда» — не как работы на себя, а как общего дела единого советского коллектива; «дружбы народов» — как близкой, неразрывной связи разнонациональных людей в совместном строительстве новой жизни. Все это вместе взятое послужило плодотворной почвой для развития национальной литературы.

Крупную роль в росте литературы и всего национального искусства играла и продолжает играть широко распространявшаяся среди советских народов ходожественная самодеятельность. Известное значение в развитии северной национальной литературы имели также созданные в национальных районах отделения Комитета нового алфавита. Они объединяли местные литературные силы, оказывали им необходимую помощь, издавали их произведения.

В первой половине 1930-х годов, вслед за созданием письменности на родных языках, в литературу начали вступать один за другим представители народов Севера. Их произведения появляются в журналах «Звезда», «Литературный современник», «На рубеже», «Резец», «Сибирские огни», «Советская Арктика» и других, в общих²⁰ и северных национальных сборниках²¹, в местной национальной печати. Выходили и отдельные книги северных авторов — прозаиков и поэтов на родном языке и в русском переводе часто с параллельными текстами. Ко времени Великой Отечественной войны много национальная советская литература пополнилась произведениями мансов, хантов, ненец, эвэнков, эвенов, нанайцев, удэгейцев, чукчей и коряков.

Завершение послевоенного плана восстановления и развития народного хозяйства СССР сопровождалось дальнейшим подъемом культуры народов Севера. Увеличилась сеть национальных школ, открылись новые национальные учебные заведения, возросли ряды национальной интеллигенции, возобновилось издание учебной, политической, художественной литературы на северных языках, вышли новые сборники произведений²² появились первые общие обзоры литературы народов Севера²³. Усилилось стремление молодежи к литературному творчеству. Повсюду, вплоть до далекой Чукотки, возникли кружки начинающих писателей.

В литературу вступило новое поколение прозаиков и поэтов, рожденных и воспитанных уже в советское время. Многие из них были участниками Великой Отечественной войны. Росту литературных сил, совершенствованию их мастерства способствовали творческие кружки и группы, созданные при национальных газетах и педагогических училищах (в Ханты-Мансийске, Салехарде, Хабаровске, Анадыре и др.), а также Северном отделении Ленинградского педагогического института им. Герцена.

Зачинателем мансийской литературы был кондинский колхозник Пантелеймо Еврин (Чайматов). В его повести «Два охотника»²⁴ отчетливо прозвучали новые мотивы, рожденные действительностью. Автор показал дружбу старика манса с русским колхозником, исчезновение недоверия к русским, освобождение сознания от предрассудков и ложных представлений. Художественные достоинства произведения заключаются в правдивом изображении внутреннего мира героя и живом описании тайги и охоты.

Уроженка Конды мансийская писательница Матрена Вахрушева начала с поэтической обработки мансийского фольклора, затем перешла к стихам на современные темы²⁵, а позже стала и прозаиком. В автобиографической повести «На берегу Малой Юконды»²⁶ Вахрушева вспоминает свое детство в глухой кондинской тайге, школу русских учителей, дальнейшее учение в Институте народов Севера и в Ленинградском университете, возвращение на Конду для просвещения своего народа. Эта высокопоэтическая повесть от начала до конца проникнута любовью к родному краю, его людям и природе.

В послевоенное время в мансийскую литературу вступил прозаик М. Казанцев написавший «Рассказ о себе»²⁷, где повествуется о замечательном и вместе с тем та

²⁰ «О Ленине», Сб., ч. I—II, ГИХЛ, М., 1939.

²¹ «Север поет», Стихи поэтов народов Севера, ГИХЛ, Л., 1939; «Не верю шаманам». Рассказы и сказки, разоблачающие обманы шаманов, Изд. Главсевморпути. Л. 1939; «Хантыйская и мансийская поэзия». Пер. и вступ. статья И. С. Гудкова и В. В. Сенкевич, Омск, 1940.

²² «Мы — люди Севера», Рассказы, повести, стихи и песни писателей и поэтов народов Севера, «Молодая гвардия», Л., 1949; «Пламенное слово», Стихи, рассказы, повести, Новосибирск, 1950; «Солнце над чумом», Сказки, песни и стихи народов Севера Детгиз, Л., 1948; «Творчество народов Севера», проза и поэзия, Л., 1954.

²³ М. А. Сергеев, Литература народов Севера, «Сибирские огни», 1952, № 5; его же, Литература народов Севера, «Камчатская правда», 1951, № 145; его же Литература народов Дальнего Востока, «Дальний Восток», 1954, № 4.

²⁴ П. Еврин (Чайматов), Два охотника. С пер. на рус. яз. и предисл. В. Наумовой, Учпедгиз, Л., 1940.

²⁵ Стихи М. Вахрушевой печатались в сборниках «Север поет», «Солнце над чумом», «Пламенное слово», «Мы — люди Севера», «Творчество народов Севера».

²⁶ М. Вахрушева, На берегу Малой Юконды. Авториз. пер. Г. Гора, В сб. «Творчество народов Севера», Л., 1954.

²⁷ М. Казанцев, Рассказ о себе, В сб. «Мы — люди Севера», Л., 1949.

ком обычном в советское время жизненном пути от мальчика из семьи бедняка-охотника до капитана Советской Армии и юриста с высшим образованием.

Недавно стал испытывать свои силы в рассказах на промысловые темы студент Института им. Герцена манс Николай Содомин.

Первым хантыйским поэтом был Г. Лазарев, питомец Ханты-Мансийского педагогического училища. Начав с литературной обработки народных героических былин и лирических песен, он стал затем писать стихи на современные темы²⁸. Его перу принадлежит перевод на родной язык «Интернационала». Он переводил также стихотворения Некрасова и других русских поэтов.

Затем появились поэты Д. Тебетев, Г. и Л. Вайветкины и П. Хатанзеев, ненец по происхождению, пишущий на хантыйском языке, автор первой хантыйской книги для чтения. В последние годы начали выступать молодые прозаики и поэты Я. Неткин, Г. Трифонов, Н. Шульгин.

Быстро растет ненецкая литература. В первом выпуске сборника «Заполярье», изданном в Нарьян-Маре в 1935 г. по случаю пятилетнего юбилея Ненецкого национального округа, участвовали два ненца — С. Ного и Е. Талеев. Год спустя, в следующем выпуске сборника выступили уже пять ненецких писателей, среди них — С. Ардева, И. Ноготысый, Е. Соболев и другие²⁹. В то же время начали свою литературную деятельность поэт и собиратель фольклора Тыко Вылка³⁰ и его племянник писатель Николай Вылка, известный также как художник-график и скульптор.

Заметную роль в развитии ненецкой литературы и создании журнала «Искра Ямала» сыграл уроженец Ямало-Ненецкого национального округа, автор нескольких рассказов и первый ненецкий драматург Иван Ного. В том же журнале впервые выступил разносторонне одаренный прозаик, поэт и драматург И. Г. Истомин. Коми по происхождению, он пишет на русском, ненецком и родном языках. Его оригинальные произведения и переводы постоянно печатаются в центральных и сибирских журналах и альманахах. Недавно вышли в свет два сборника его произведений — стихи и проза³¹. Проза представлена большой повестью «Последняя кочевка» (об оседании кочевых ненцев Ямала) и циклом рассказов из современной жизни рыбаков, охотников и оленеводов Ямала.

Большую роль в воспитании первых ненецких литераторов сыграли крупный исследователь ненцев Г. Д. Вербов и выдающийся деятель культуры ненецкого народа А. П. Пырерка — первый ненец научный работник, составитель словарей, книг для чтения, фольклорных сборников и автор рассказов³².

В послевоенные годы развитию ненецкой литературы много способствовал литературный кружок Ямальской окружной газеты «Нарьяна Нгэрм» («Красный Север»), которым руководит И. Г. Истомин. В кружке выросла целая плеяда даровитых поэтов, прозаиков и драматургов: ненцы — Ламбай, Леонид Лапуц, Елена Сусой, Иван Юганпелик, Нина и Елена Ядне, ханты — Я. Неткин, С. Рябчиков, Л. Шульгин, селькуп К. Тамелькин, коми — Ф. Конев. Все они активно сотрудничают в газете, собирают и публикуют национальный фольклор, пишут пьесы, переводят на ненецкий, хантыйский и коми языки русские песни.

В последнее время в тюменской печати появились произведения нового ненецкого поэта А. Талигина.

К лучшим образцам ненецкой прозы принадлежит цикл рассказов Николая Вылка о прошлом ненцев Малоземельской тундры и Новой Земли: «Марья»³³, «Вылка на острове»³⁴, «Рассказ ненца»³⁵. Близкие по замыслу и сюжету, первые два произведения рисуют жизнь безболезной ненецкой бедноты, бежавшей от нужды и эксплуатации на Печорский север и Новую Землю. В ярких реалистических картинах писатель изобразил гнетущую зависимость людей от промысла, вечную неуверенность в завтрашнем дне, постоянный страх перед голодом и всевозможными бедами, постигавшими их на каж-

²⁸ Цикл стихотворений Г. Лазарева помещен в кн. «Хантыйская и мансийская поэзия», Омск, 1940.

²⁹ «Заполярье», Сб. I и II, Изд. газ. «Нарьян-Вындер», Нарьян-Мар, 1935 и 1936.

³⁰ И. К. Вылка (Тыко Вылка), единственный из всех представителей народов Севера до Октябрьской революции, получил художественное образование в Москве благодаря содействию художника Переплетчикова. После Октябрьской революции И. К. Вылка — бессменный председатель Новоземельского островного Совета депутатов трудящихся. Деятельный исследователь Арктики, И. К. Вылка избран членом Всесоюзного географического общества.

³¹ И. Истомин, Наш Север, Стихи (с русским текстом), Учпедгиз, Л., 1953; его же, Обновленная тундра, Рассказы и повести, Тюмень, 1954.

³² А. Пырерка, Сын старушки, Гос. изд-во худ. литер., Л., 1939; его же, Ненецкие сказки, Рис. Н. Вылка, Детиздат, Л., 1935.

³³ Н. Вылка, Марья, Пер. на рус. яз. Г. Вербова. Рис. автора, ГИХЛ, Л., 1938.

³⁴ Н. Вылка, Вылка на острове. Пер. с ненец. и рис. автора, Журн. «Наша страна», 1937, № 5—6; его же, «На острове». Пер. на рус. яз. Г. Вербова. Рис. автора, ГИХЛ, Л., 1938; его же, Как мы жили при царе. Пер. с ненец. автора, Журн. «Советская Арктика», 1937, № 11.

³⁵ Н. Вылка, Рассказ ненца, В сб. «Не верю шаманам», Л., 1939.

дом шаг. Только благодаря дружбе и величайшей трудовой сплоченности охотникам удавалось спастись от гибели. А когда они несколько оправились и стали на ноги, на остров нагрянули зарубежные хищники и совершенно их обобрали. Заканчивается второе произведение вестями о Ленине и начале новой жизни на Большой земле. «Расказ ненца» посвящен разоблачению шамана.

Художественные произведения Вылки представляют большой этнографический интерес. Автор дает подробные описания различных явлений материальной и духовной культуры ненцев, характеризует их социальные отношения, тонко передает живой народный язык. В литературном отношении особенно интересны повести «Марья» и «Вылка на острове», после появления которых Вылка был принят в Союз советских писателей. Они известны русскому читателю в превосходных переводах самого автора и крупного знатока ненецкого языка и культуры Г. Д. Вербова. Переводы полностью сохранили своеобразие строя речи, художественных приемов и вообще всего национального стиля. Повествование чрезвычайно сжато и вместе с тем выразительно и насыщено действием. На нескольких десятках страниц развернута целая эпопея. Рассказы написаны короткими фразами, преимущественно простыми предложениями. Характеристики персонажей скупые, но точные. Каждый обрисован всего лишь несколькими чертами, умело раскрыт в диалоге, и все они — живые и разные. Так же лаконичен писатель в изображении пейзажа. Иногда он нарисован одним-двумя штрихами, однако его легко себе представить. Оригинальны и вместе с тем характерны сравнения, подчеркнутые из близкой, повседневной обстановки: «отец сидел молчаливый, как сопка» «чумы виднелись, как гусиные шеи»; волны похожи на запыхавшихся оленей, а мелькающая в море лодка — на утку-морянку и т. д. Нельзя не отметить художественной выразительности таких, например, противопоставлений и сравнений: «он пел песни а меня украл сон»; «старики живут так дружно, что между ними даже вода не пройдет», и т. д. Не менее характерен и такой, идущий от фольклора прием, как введение в прозаический текст стихотворных строк (песен-импровизаций), заменяющих иногда целые диалоги. Очень гибка интонация писателя. Тексты о борьбе людей с полярной природой, о выпадавших на их долю бедах звучат сурово и предельно лаконично, а страницы о дружбе и взаимопомощи охотников, заботе о стариках согреты подлинно человеческим теплом.

Первое оригинальное произведение на эвенкийском языке появилось в 1935 г. Это — эпическая поэма «Гегдаллукон и Ульгэриkkэн», написанная А. Салаткиным-Лонтогиром³⁶, учителем из Катангского национального района. Спустя два года в конкурсе Издательства художественной литературы участвовало уже семь эвенков и один из них получил премию. Вместе с А. Салаткиным начинателями эвенкийской поэзии были молодые поэты А. Платонов, Г. Чинков и Н. Сахаров, опубликовавшие в журналах и сборниках много песен и стихотворений, посвященных родной природе, промыслам и современным общественно-политическим темам. А. Платонов³⁷ и Г. Чинков³⁸ выпустили несколько отдельных сборников своих произведений. Позднее выступили поэты А. Кириллов, С. Пикунов, А. Солтураева, Бираулев, Хукачар и другие³⁹. После Отечественной войны стала известна поэтесса О. Салаткина-Вакувагир.

Ранняя эвенкийская проза представлена небольшими рассказами Г. Маркова, Наумова, С. Пикунова и повестями Н. Сахарова. После Отечественной войны появились новые прозаики — Н. Ламатканов и П. Савин.

В своем первом произведении «Детство Никиты» Н. Сахаров описал жизнь сироты в дореволюционное время⁴⁰. В повести «Красный суглан»⁴¹ рассказывается о жизни Тунгиро-Олекминского национального района в 1929 г. В ту пору быстро пробивались ростки новой жизни, укреплялся национальный Совет, увеличивались ряды комсомольцев, люди потянулись в колхоз. Усилилось и сопротивление кулаков и шаманов. Эти события и посвящена повесть.

П. Савин написал автобиографическую повесть «Второе рождение»⁴². Автор рассказывает жизнь юноши из семьи оседлых бирских эвенков, испытавших в свое время сильное влияние русской культуры, и его последующую судьбу. Наиболее интересно описание школы и промыслов.

³⁶ А. Салаткин-Лонтогир, Гегдаллукон и Ульгэриkkэн. Пер. В. Наумов. Изд. Главсевморпути, Л., 1940. Другая книга стихотворений А. Салаткина «Аги — эврэн» («Тайга играет») вышла только на эвенкийском языке.

³⁷ А. Платонов, Песни эвенка, Гослитиздат, Л., 1938; его же, Избранные стихотворения и песни. Прилож. А. Платонов, Моя жизнь, Учпедгиз, Л., 1940 (смертная).

³⁸ Г. Чинков-Эдьян, С. Сахалина, Родная земля. Стихи, Гослитиздат, Л., 1939; его же, Стихи, Изд. Главсевморпути, Л., 1939; его же, Гарпаниндя, Сказка — сказание, Изд. Главсевморпути, Л., 1939; его же, Сулакичан, Детизд. Л., 1940.

³⁹ Произведения эвенкийских поэтов опубликованы, помимо книг, упомянутых выше (прим. 22), в следующих изданиях: «Детям. Сборник стихов и песен эвенкийских поэтов, Учпедгиз, Л., 1940; А. Оляхон, Северное сияние, Иркутск, 1947.

⁴⁰ Отрывки из этой повести опубликованы под названием «Хуюкун Никиты» («Маленький Никита») в эвенкийском альманахе «Учэлэ Тыкин», вып. 1, Л., 1938.

⁴¹ Н. Сахаров, Красный суглан. Пер. И. Кратта, В кн. «Творчество народов Севера», Л., 1955.

⁴² П. Савин, Второе рождение. Пер. Г. Гора, Там же.

В поэтическом рассказе Н. Ламатканова «Качона»⁴³ описывается работа молодого учителя среди витимских эвенков. Хорошо передано стремление эвенков к просвещению. Даже старшее поколение поняло необходимость учения.

Начало эвенской литературы положил талантливый поэт и прозаик Н. С. Тарабукин. После окончания Института народов Севера он уехал в родные места, на далекую Индигирку, и посвятив всю жизнь просвещению своего народа. Он написал много стихотворений, поэм, песен и повесть «Мое детство»⁴⁴, завоевавшую большой успех у советского читателя. Автор дает яркие картины прошлого быта таежных охотников, описывает исконные промыслы, обычаи и верования, беспросветную нужду бедняков. Живописно изображает он родную природу — суровый пейзаж гор и лесов, смену времен года: наступление осени, опечаленней тополи и лиственницы; зимы, покрывшей все белым заячьим одеялом, и — особенно любовно — приход долгожданной весны. На этом фоне развивается автобиографическое повествование о детстве сироты, прошедшего тяжелый искус батрачества у богатей, а после революции ставшего «сыном исполкома» и попавшего в советскую школу. Увлекающее своей искренностью, глубоко поэтическое произведение Тарабукина как бы положило начало тому своеобразному жанру литературно-художественной автобиографии, которому отдали дань едва ли не все молодые прозаики Севера (Вахрушева, Казанцев, Сахаров, Савин и др.), а впоследствии известный писатель Джанси Кимонко.

Повесть «Мое детство» выделяется большой непосредственностью, простотой изобразительных средств и высоким лиризмом. В ней ярко выражены характерные особенности, присущие литературе народов Севера. Вся она состоит из маленьких глав — отдельных эпизодов. Написана она короткими предложениями, в тексте много диалогов, иногда составляющих целые главы. В той или иной мере переработанные отдельные главы «Моего детства» («Я пасу оленей», «Дед из ружья промахнулся» и др.) давно уже вошли в учебные пособия для северных национальных школ и, кроме того, печатались в сборниках произведений писателей народов Севера.

Из других эвенских поэтов назовем уроженца Быстринских хребтов (на Камчатке) А. Черканова, выступившего с книгой стихов о родной природе⁴⁵, вошедших в хрестоматии для национальных школ. Много песен на современные темы написал ольский эвен И. Бабцев. Большая заслуга в развитии национальной литературы принадлежит охотскому эвену А. Кочерову, журналисту и редактору местных журналов и сборников, собирателю фольклора, руководителю олимпиад художественной самодеятельности.

Недавно появилось произведение нового эвенского прозаика Г. Семенова «Снайпер»⁴⁶ — горячий патристический рассказ о трудовых подвигах эвен в годы Отечественной войны. Круглыми сутками, в любую погоду колхозники ловили рыбу в коварных охотских водах, старики не отставали от молодежи. Охотники проявляли много изобретательности, стремясь добыть больше пушны на оборону. Герой рассказа попадает на фронт и становится замечательным снайпером. Тема другого рассказа того же автора («Медведь и капуста») — успехи мичуринской агрономии на суровой охотской земле.

Первыми произведениями нанайской литературы были маленькие рассказы на бытовые темы, написанные Л. и А. Бельды в 1932—1933 гг. в содружестве с их учителем, ныне ученым-лингвистом В. Аврориним⁴⁸. В 1930-х годах начал литературную деятельность уроженец Кондома Аким Самар. Он написал в ту пору много стихов и несколько рассказов («Летний отдых», «Товарищи» и др.). Увлекался он и нанайским фольклором, усердно записывая образцы от стариков. Поступив затем в Институт народов Севера, Самар близко познакомился с русской поэзией. После выхода в свет двух сборников его стихотворений⁴⁹ он был принят в Союз советских писателей. Самар воспевает в своих стихах Родину, новую жизнь нанайцев, природу Амурского края. Одаренность писателя сказалась и в его крупном прозаическом произведении «Сын бедняка»⁵⁰, повествующем о пути героя от прошлого к настоящему, пройденном им вместе со своим народом. Живо и правдиво автор показал, как тяжело жилось раньше нанайцам, которых обирали и спаивали хищники-торговцы, как измученные нуждой охотники и рыбаки ждали «власть бедных людей» и как оправдались эти надежды⁵¹.

⁴³ Н. Ламатканов, Качона, Пер. Г. Гора, Творчество народов Севера, Л., 1955.

⁴⁴ Н. Тарабукин, Индигирские стихи. Рисунки автора, Гослитиздат, Л., 1936; его же, Полет золотой девушки, Стихи, Гослитиздат, Л., 1937; его же, Мое детство, Повесть, Пер. Г. Гора, В кн. «Творчество народов Севера», Л., 1955.

⁴⁵ А. Черканов, Горячие ключи, Сборник песен, Гослитиздат, Л., 1939.

⁴⁶ Г. Семенов, Снайпер, Рассказ, Пер. Г. Гора, В кн. «Творчество народов Севера», Л., 1955.

⁴⁷ Г. Семенов, Медведь и капуста, Пер. В. Шефнера, В кн. «Пламенное слово», Новосибирск, 1950.

⁴⁸ В. А. Аврорин, Л. Бельды, Бедняк Гара, Учпедгиз, Л., 1932; В. А. Аврорин, А. Бельды, Как Бага пошел учиться, Учпедгиз, Л., 1933.

⁴⁹ Аким Самар, Песни нанайца, Пер. А. П. Путинцевой, Гослитиздат, Л., 1938; его же, Стихи, Ред., пер. и предисл. А. Путинцевой, Учпедгиз, Л., 1940; его же, Песни нанайца, Сб. стихов, Учпедгиз, Л., 1946 (посмертное издание).

⁵⁰ А. Самар, Сын бедняка, Пер. Г. Гора, В кн. «Мы — люди Севера», Л., 1949.

⁵¹ О жизни и творчестве А. Самара см.: А. Базанов и Н. Казанский, Школа на Крайнем Севере, Учпедгиз, Л., 1939; М. Каплан, Творчество первого нанайского

В конце 1930-х годов появились стихи на публицистические темы и небольшие рассказы К. Гейкера, тоже воспитанника Института народов Севера. В последнее время нанайская литература пополнилась произведениями поэта А. Пассара и прозаика Г. Ходжера. Стихи Пассара посвящены природе Амура, чудесному преобразованию родной земли, школе, дружбе нанайцев с русскими⁵². В рассказах Ходжера описывается жизнь амурских рыбаков и рост молодой национальной интеллигенции⁵³.

В 1951 г. выступили в печати литераторы ульчи. Педагоги И. Вальдю и И. Боявсал издали книжку об опыте передовых охотников⁵⁴. Вальдю опубликовал серию старых и современных сказок ульчей⁵⁵. Испытывает свои силы в прозе студент Ленинградского института им. Герцена Б. Ван.

Основателем литературы удэге является выдающийся деятель удэгейской культуры Джанси Кимонко. Все его детство прошло в непрерывных скитаниях по уссурийской тайге, в поисках зверя и рыбы. Беспросветная нужда была постоянным спутником его народа. В суровые годы интервенции и гражданской войны темные охотники удэге не могли осознать значения происходивших событий. «Зарево над лесами вызывало тревогу. Старики говорили, что это русские воюют, гибнут люди, что кровь их поднимается высоко и стонет в небе»,—в таких словах вспоминал то время Джанси в беседах с писательницей Ю. Шестаковой⁵⁶. Но сам Кимонко уже тогда устремился к новому и ушел к красным партизанам.

Кимонко стал вожаком соплеменников в трудную пору коренной перестройки их жизни. Он первым среди удэгейцев вступил в Коммунистическую партию и первым из них отправился учиться. Кимонко создал первый удэгейский колхоз и руководил им. Он же является и зачинателем национальной удэгейской литературы. В 1936 г. появился его первый рассказ «Бата», свидетельствующий о большой одаренности автора. Тогда же он принял слагать стихи, ставшие вскоре подлинно народными песнями⁵⁷. В полной мере талант Кимонко развернулся в послевоенное время. В творческом содружестве с писательницей Ю. Шестаковой он написал несколько автобиографических произведений⁵⁸, вошедших позже в широко известную и неоднократно переиздававшуюся повесть «Там, где бежит Сукпай»⁵⁹. Эта повесть—наиболее значительное и интересное и своеобразное явление в литературе народов Севера. Она написана в широком плане и представляет собой семейную хронику. В жизненном пути семьи Джанси Кимонко раскрыта судьба всего удэгейского народа.

Мастерски раскрыт духовный мир полупервобытных охотников: накопленные веками замечательные реальные знания и сочетавшиеся с ними наивные верования и образы, своеобразное восприятие явлений природы и общества. Хорошо показано, как становление новой жизни отражалось в сознании удэгейцев, как рождались у них новые мысли, возникали противоречия между новыми и прежними представлениями, как люди росли духовно.

На повести сказалось влияние русской литературы, но вместе с тем в ней ярко отразилось и все своеобразие национального художественного творчества. Сильно сказалось воздействие фольклора. Явно от фольклора идут неоднократно встречающиеся в повести эпические обращения к родной земле, вторгающийся местами, особенно в начале глав, былинный слог, обилие стихотворных вставок, в частности, распространенных у удэгейцев песен-импровизаций, о которых так хорошо сказал сам автор: «Идешь по тайге... и в душу просится песня». Показательны и такие художественные приемы, как повторы, сравнения, эпитеты и пр. Все эти изобразительные средства в сочетании с подлинно народным языком и отмеченной выше этнографической тканью повествования создают ярко выраженный национальный стиль произведения.

Первые художественные произведения коряков, как указывалось выше, были напечатаны в журнале «К новой жизни», выходившем в национальной советско-партийной школе. В 1933 г. в двух номерах этого журнала были опубликованы 33 произведения (бытовые очерки, рассказы и предания) на корякском языке, иллюстрированные самими авторами. Из литературного кружка школы, а также из среды студентов Института народов Севера вышло много талантливых молодых литераторов-коряков: Аюммына, П. Беляков, Вачакалэн, Енагыт, С. Заев, Трифон Кавав, Кававгыный

поэта Акима Самара, «Советская этнография», 1949, № 4, а также в сборниках его произведений.

⁵² Пассар, Буэ Сиумэ Кэсипу. Стихсэл. Приложение. А. Пассар, Солнечный свет (русский текст), Хабаровск, 1952.

⁵³ Г. Ходжер, Письмо от сына, Рассказ. Журн. «Дальний Восток», 1953, № 6; его же, Соперники, Рассказ, «Дальний восток», 1953, № 5.

⁵⁴ И. Вальдю, И. Боявсал, По следам лисицы, Хабаровск, 1951.

⁵⁵ Алексей Вальдю, У костра, Журн. «Дальний Восток», 1953, № 2.

⁵⁶ Ю. Шестакова, Первый из Удэге, Газ. «Тихоокеанская Звезда», 1947, № 291.

⁵⁷ Несколько песен Д. Кимонко опубликовано в кн. «Творчество народов Севера», Л., 1954.

⁵⁸ Д. Кимонко, Зарево над лесами. Пер. Ю. Шестаковой, Журн. «Дальний Восток», 1948, № 1; его же, Красное Знамя. Пер. Ю. Шестаковой, «Дальний Восток», 1950, № 1.

⁵⁹ Джанси Кимонко, Там, где бежит Сукпай. Пер. и литер. обраб. Ю. Шестаковой. «Молодая Гвардия», М., 1951.

(Иван Кавав), Како, Кэчгын-айнавын, Д. Лазуков, Тавитын, Эвкыто, Энагыт и другие. Все они были в свое время первыми комсомольцами и колхозниками, а затем учились в национальных учебных заведениях. Вернувшись на родину, они работали учителями, инструкторами Комитета нового алфавита, руководителями национальных советов и колхозов⁶⁰. После опубликования первых литературных опытов в своей газете⁶¹ и журнале они выступили с многочисленными произведениями в книгах для чтения, предназначенных для корякской национальной школы⁶². Большинство этих маленьких очерков и рассказов построено на фактах личной жизни. Эти произведения интересны еще и тем, что авторы их являются представителями едва ли не всех различных по формам культуры групп корякского народа: кочевых оленеводов (чавчуменов и алыторцев), оседлых морских охотников (каменцев, апукинцев) и рыболовов (карагинцев, тигильцев). Просто и вместе с тем ярко и содержательно рассказывают авторы о прежней жизни корякской бедноты, о появлении на Камчатке белогвардейцев и борьбе с ними партизан, о возникновении советов и школ, о своем личном пути от старого к новому. Очень живы и интересны многочисленные рассказы об охоте, морском и рыболовном промысле, пастушестве, а также о путешествиях авторов в большие города. Многие из начинающих литераторов коряков усиленно занимались фольклором и сделали ценный вклад в историю своего народа, собрав совершенно неизвестные ранее «предания из жизни предков».

Наиболее значительны в художественном отношении повести коряков Кецай Кеккетына и Льва Жукова. Л. Жуков написал историческую повесть «Нотаймэ»⁶³, отрывки из которой вошли в школьные книги для чтения. Первое большое произведение Кеккетына «Эвныто-батрак» написано в студенческие годы. О том, как оно возникло, автор говорит следующее: «Когда мы учились на своем языке, чуть не на каждом уроке спорили, как правильно писать слова. Одни из нас гогорили на диалекте оседлых, а я и Микуйл Ноянов — на диалекте кочующих. Я начал думать и решил: напишу какую-нибудь большую записку, чтобы туда вошли все наши слова. Так летом 1934 г. у меня сложился рассказ о том, как жили раньше батраки... Думаю, вот тут собраны все слова кочевые...». Часть повести была напечатана в газете «Инсовец», а затем она вышла отдельной книгой в двух изданиях — на корякском и русском языках⁶⁴. Кеккетын написал еще две повести «Последняя битва» и «Хоялхот»⁶⁵, а также цикл маленьких рассказов на разные темы из местной жизни («Во время гражданской войны», «Беспечный», «Молодые пастухи», «Орел», «Соболь», «Кино» и др.). Яркие по содержанию и живо написанные, почти все они вошли в учебные пособия для национальной школы. Кроме того, Кеккетын составил «Книгу для чтения», предназначенную для школьников, и перевел на родной язык некоторые произведения Пушкина («Метель», «Станционный смотритель») и Чехова («Беглец», «Спать хочется»).

В повести «Хоялхот» изображена жизнь коряков-оленьеводов накануне революции. Как бы продолжением ее является рассказ «Эвныто-батрак», о котором автор говорит: «Здесь я пишу о том, как наши богачи обращались с бедняками при царе. Здесь я пишу о том, как Эвныто был угнетен при старом законе богачом. И как потом избрали его председателем при новом законе, и он начал учиться в Тигиле, чтобы хорошо новую жизнь строить». В рассказе использованы факты из биографии отца писателя, прошедшего путь от голодного, забитого в прошлом батрака до строителя новой культуры корякского народа.

В произведениях Кеккетына впервые в литературе подробно изображена жизнь наиболее отсталой в прошлом и мало изученной части корякского народа — оленеводов чавчуменов. Автор показал тяжелый труд пастуха, горячую пору рыбного промысла, охоту на пушных и других зверей, домашний быт в убогой яранге, дружбу и взаимопомощь бедноты, любимые развлечения молодежи, состязания в силе и ловкости, оленьи бега, коллективные угощения на праздниках. Большой интерес, в частности, представляет описание господствовавших в прошлом у чавчуменов форм эксплуатации, а также характеристика семейных отношений, описание брачных обычаев и обрядов.

Автор отразил пробуждение классового самосознания бедняков чавчуменов. В отнюдь не к более раннему времени повести «Хоялхот» нотки протеста против соци-

⁶⁰ Автобиографии нымыланов, Перев. с нымыланского С. В. Стебницкого, Сб. «Советская этнография», I, Л., 1938; Отрывки из автобиографий алыторцев курсантов Окружной советской партийной школы Корякск. нац. округа см. в ст. С. Н. Стебницкого «Нымыланы-алыторцы», тот же сборник; см. также предисловие С. Н. Стебницкого в издании «Наша книга», Учпедгиз, Л., 1935.

⁶¹ «Нымыланские известия» Стенная газета нымыланов (коряков) — учеников Института народов Севера, Л., 1931—1933.

⁶² «Наша книга». Предисл. и пер. с нымыланского яз. С. Н. Стебницкого, Учпедгиз, Л., 1935; «Книга для чтения», ч. 2. Пер. с корякского (нымыланского) яз. С. Н. Стебницкого, Учпедгиз, Л., 1940. В этих двух изданиях опубликовано свыше 40 произведений 14 авторов-коряков.

⁶³ Л. Жуков (Из села Кахтань), Нотаймэ, Рассказ. Пер. с корякского (нымыланского) языка С. Н. Стебницкого, Детгиз, Л., 1938.

⁶⁴ Кецай Кеккетын, Эвныто-батрак. Пер. С. Н. Стебницкого, Детгиз, Л., 1936.

⁶⁵ Кецай Кеккетын, Последняя битва, Рассказ. Пер. С. Н. Стебницкого, ГИХЛ, Л., 1936; его же, Хоялхот, Рассказ. Пер. С. Н. Стебницкого, Изд. Главсевморпути, Л., 1939; также в кн. «Творчество народов Севера», Л., 1954.

альной несправедливости звучат еще редко и робко, выражаются только в издевках над жадностью, скупостью и самомнением богачей. В рассказе «Эвныто-батрак» беднота и богачи уже резко противопоставлены друг другу. Чувство презрения сменяется ненавистью. Разгорается классовая борьба. Хорошо переданы другие изменения в сознании бедноты: постепенное отрицание старых представлений о духах — хозяевах природы, падение авторитета шамана, возникновение первых ростков нового мировоззрения. В рассказе описано становление Советской власти у чавчуменов: проникновение в тундру вестей о «новом законе»⁶⁶, появление русских и помощь их корякам, возникновение национальных советов и воспитание первых национальных кадров, упорное сопротивление и разгром кулачества. В живых, исторически правдивых эпизодах автор раскрывает те своеобразные формы, в которых осуществлялась национальная политика Коммунистической партии в соответствии с особенностями быта и культуры народа.

Переводы С. Н. Стебницкого дают отчетливое представление о национально-художественном стиле произведений Кеккеттына. В них сохранены свежесть и наивность только еще возникавшего в ту пору литературного языка, передан своеобразный строй речи, ее лаконичность, обилие междометий, отражены новые, рожденные советской действительностью словообразования («острошапочники» — красноармейцы, «старо» — «новозаконные» — приверженцы старого и нового строя). Живописный этнографический фон усиливает национальный колорит произведений.

К совершенно иному жанру относятся повести «Последняя битва» Кеккеттына и «Нотаймэ» Жукова, имеющие много общего и по содержанию и по форме. Они построены на фольклорной основе, главным образом на материале исторических преданий отчасти сказаний о жизни предков, мифов, сказок о животных. Писатели творчески переработали этот материал, ввели новые, вымышленные эпизоды, изменили и развили старые, связали все единой сюжетной линией и создали в результате оригинальные исторические повести. Тема их — прекращение вражды между чавчуменами и чукчами с одной стороны, и между отдельными группами коряков, с другой; превращение разрозненных локальных групп в единый корякский народ. Как передовые представители своего народа, осознавшие задачи национального строительства, авторы в этих своих исторических произведениях утверждают идеи равноправия и дружбы народов.

В неопубликованной статье о повестях «Последняя битва» и «Нотаймэ» С. Н. Стебницкий⁶⁷ тонко подметил стремление молодых писателей к реалистическому претворению образов старого фольклора и сильное влияние на них русской литературы. Это сказалось и в образах героев, превратившихся из сказочных богатырей в реальных людей и в трактовке фольклорных эпизодов, освободившихся от элементов чудесного, фантастического, и т. д. Произошли значительные изменения в языке да и во всем стиле произведений. Появились, в частности, такие, не известные устному творчеству коряков новшества, как монологи, сравнения, пейзаж и пр.

Первые оригинальные произведения на чукотском языке были созданы Вукволом Тынэтэгыном и Кааквыргыном. Художник — резчик по кости — Вуквол написал несколько рассказов и легенду о Ленине, послужившую сюжетом для его известной гравюры на моржовом клыке⁶⁸. Тынэтэгын — автор стихотворений и сборника чукотских сказок о животных⁶⁹. Кааквыргыну принадлежит несколько небольших рассказов стихов на местные темы.

После Великой Отечественной войны выступил новый чукотский поэт и прозаик — студент Ленинградского университета Рытхэу. Его первые стихотворения о природе людей Чукотки помещены в хрестоматии для национальных школ⁷⁰. Литературный успех он завоевал талантливыми рассказами из современной жизни приморских чукчей⁷¹. Живо и правдиво повествует молодой писатель о трудовых делах колхозников зверобоев, о борьбе передовых людей за новый культурный быт, о противоречиях в сознании и о победе нового над старым, о стремлении народа к просвещению, и о росте

⁶⁶ «Новым законом» или «Красным законом» народы Севера именovali в первые годы Советскую власть.

⁶⁷ С. Н. Стебницкий, *Корякский фольклор и зарождающаяся корякская литература*. Рукопись, 1940. Фонды Института этнографии АН СССР. Автор сделал попытку вскрыть истоки возникающей корякской литературы, показать пути ее развития и качественные отличия от старого народного творчества, определить формы влияния русской художественной литературы и пр. По характеру поднятых общих вопросов эта работа представляет несомненный интерес с точки зрения проблемы формирования литературы у младописьменных народностей.

⁶⁸ Вуквол, *Чукотская легенда о Ленине*, Журнал. «Народное творчество», 1931 № 1; см. также С. В. Иванов, *Чукотско-эскимосская гравюра на кости*, «Советская этнография», 1949, № 4.

⁶⁹ Тынэтэгын (Ф. Тинетев), *Сказки чаучу*. Ред. и пер. Г. Мельников. Учпедгиз, Л., 1940.

⁷⁰ «Родное слово». Пер. книги для чтения, составленной П. Я. Скориком Ю. С. Рытхэу, Учпедгиз, Л., 1950; также Г. Л. Семенов, *Плечом к плечу, «Молодая гвардия»*, 1952 (раздел «Полярное сияние. Из поэтов Крайнего Севера»).

⁷¹ Рытхэу, *Люди с того берега*, «Молодой Ленинград», Сб. 3, «Молодая гвардия» Л., 1951; его же, *Друзья-товарищи*, Библиотека «Огонек», № 9, М., 1953; его же *Люди нашего берега*, Рассказы. Авториз. пер. А. Смоляна, «Молодая гвардия», Л., 1954.

национальной интеллигенции. Один из рассказов Рытхэу опубликован в Париже на французском языке⁷², новая повесть его вышла в украинском переводе⁷³. Рытхэу принадлежит переводы на чукотский язык сказок Пушкина, повести С. Семушкина «Чукотка» и других произведений.

Многие северные писатели были одновременно и художниками-иллюстраторами. Первые сборники и журналы начинающих литераторов («О нашей жизни», «Тайга и тундра», «К новой жизни» и др.) иллюстрированы звенками С. Лонтогир и В. Пежемским, нанайцами Кого-Самар, Росугбу, Б. Ходжер, нивхом Н. Воксиним, коряком Н. Нояновым. Еще интереснее рисунки в отдельно изданных произведениях северян. Н. Вылка иллюстрировал свои повести и книгу сказок А. Пырерка, Наумов — свой рассказ об охоте, Вуквол — «Легенду о Ленине» и т. д. Не имея возможности остановиться на своеобразных художественных достоинствах этой книжной графики, сошлюсь на сведения о ней, приведенные в специальном труде С. В. Иванова⁷⁴.

* * *

Поэзия народов Севера представлена различными жанрами, от сравнительно крупных произведений типа былин и поэм («Гегдаллуко и Ульгэрикэн» А. Салаткина, «Гарпаниндя» Г. Чинкова, «Два старика» и другие сказки в стихах А. Самара и т. д.) до небольших лирических стихотворений. Очень разнообразно и содержание произведений.

Излюбленной поэтической формой осталась песня, сильно распространенная и раньше. Широко бытует попрежнему песня-импровизация, связанная с родной природой или с думами о каждодневном привычном труде. Охотник поет о любимой тайге, о звере, который попадется ему. Жена, провожая охотника, поет о том, что ждет его возвращения с богатой добычей. Житель тундры поет о своих быstroногих оленях и белых снегах. Старые песни-импровизации, отражавшие тяжелую жизнь забитых людей, уже давно исчезли. Не горюет теперь девушка о печальной доле в замужестве, не поет и зверолов о вечном горе и безысходной нужде.

У некоторых народов только в наше время возникла женская песня. Древний нанайский обычай запрещал женщине петь (за исключением «плачей»). Этим объясняется, между прочим, деление нанайских сказок на мужские — с пением (слов героя) и женские — без него. А в 1930-х годах женское пение завоевало у нанайцев всеобщее признание и стало неотъемлемой частью художественной самостоятельности. Самый факт публичного исполнения песен показателен для нового положения нанайской женщины в обществе.

Современные песни созданы богатой, разнообразной действительностью, неустанно питающей творчество поэтов новыми темами и мотивами. Все они высоко оптимистичны, жизнеутверждающи. Новые чувства хорошо выразила талантливая ненецкая сказительница, 72-летняя Елена Кокина: «Песня у меня в крови. Раньше пела об обидах и унижениях, а сейчас пою о радости»⁷⁵. О том же сказал и поэт Н. Сахаров в стихотворении «Женщина»: «Появились у эвенков песни нового звучания. Пусть их слышат все народы!»⁷⁶. А в повести «Красный суглан» того же писателя читаем: «Хорошо и весело стало жить Мангану и его родственникам. Перестал он петь старые песни о тяжелой жизни. Скудные были песни, невеселые. Вся жизнь невеселая была. И народ был темный, неграмотный. А теперь Манган поет новые песни. «Ленин глаза нам развязал» — говорит он и радуется. Не один Манган так говорит и поет новые песни. Все люди, кто трудился всю жизнь, так говорят и поют в новых песнях про школу, больницу, красную юрту, про новую счастливую жизнь»⁷⁷.

Поэты вспоминают мрачное прошлое лишь для сравнения с настоящим. На таком контрасте построены, например, стихотворения А. Самара о городе, сменившем убогое нанайское стойбище («Город юности»), и «Письмо родине», где говорится о новой счастливой жизни измученного в прошлом народа.

Неиссякаемым источником вдохновения поэтов служит развитое у них, как и у всех северян, чувство природы. В ярких художественных образах они воспевают любимый пейзаж, многоводные реки, бескрайние просторы тундры и тайги, бурную смену времен года, борьбу стихий. Бездумные прежде песни-импровизации приобрели постепенно более высокую поэтическую форму и идейную значимость. Сначала в них слышались чув-

⁷² «Les lettres françaises», № 489. Semaine du 5 au 12 Novembre 1953. Numéro spécial sur la littérature, l'art et la science soviétiques pour 36-e Octobre. Rytkheou, La fenêtre.

⁷³ Юрий Рытхэу, Имя людини (Имя человека), Повесть с предисловием автора. Переклад с чукотских. Журн. «Дніпро», Киев, 1954, № 4.

⁷⁴ С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Нов. серия, т. XXII, Л., 1954, стр. 773 и сл.

⁷⁵ В. Ворыгин, Искусство ненецкого народа. Корреспонденция из Архангельска, «Правда», 1937, № 212.

⁷⁶ Н. Сахаров, Женщина. Пер. с эвенкийского А. Чивилихина, Журн. «Сибирские огни», 1951, № 3.

⁷⁷ Н. Сахаров, Красный суглан. В кн. «Мы — люди Севера», Л., 1950, стр. 150.

ства грусти от разлуки с родным краем или радости от встречи с ним, а потом зазвучали мысли о современном человеке — создателе новой природы.

Темам природы отдали дань все поэты народов Севера. Хант Г. Лазарев вспоминает молчаливые леса и голубые просторы Конды. Эвенк А. Салаткин прислушивается к журчанию воды, перекличке птиц и шелесту листьев. Его соплеменник А. Платонов рисует пробуждение весны, когда «по дороге торопливо время теплое идет». Родному Амуру посвятили много стихов нанайцы А. Пассар и А. Самар, Сахалину — эвенк Г. Чинков. Воспевают родную природу эвен А. Черканов, удэгец Д. Кимонко, чукча Ю. Рытхэу и другие.

Волнуют поэтов и интимные чувства. А. Кириллов воспекает юность и любовь, а другой эвенк С. Пикунов — печаль девушки по своему милому. Подлинным лиризмом, задушевностью проникнут цикл стихов А. Самара, обращенный к любимой подруге. Пленяют своей высокой поэтической формой стихи Н. Тарабукина о любви юноши эвена к русской девушке.

Громко звучат темы социалистической действительности, обогатившей поэтов новыми мыслями и чувствами. А. Платонов говорит о железной воле могучей партии, с корнем вырвавшей рабство и преобразившей страну. Тема одного из стихотворений А. Салаткина — появление первого коммуниста в тайге. Величие и славу Родины, братство народов, славную Советскую Армию воспевают Г. Лазарев, И. Истомин, А. Самар, М. Вахрушева, Д. Кимонко и другие.

Часто вспоминают поэты свое детство, школу, Институт народов Севера, где встречались как друзья и вместе приобщались к новой культуре разноязычные люди Севера. Из школы вынесли они и любовь к великим поэтам. Свое обращение к «Пушкину» А. Платонов начинает строфой:

Я твой «Памятник» читаю
И как будто голос слышу:
— Пушкин песни ваши знает,
Пушкин вместе с вами дышит...

и заканчивает:

Люди с песней здесь и там
Жизнь прекрасную возводят,—
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит! ⁷⁸

Широко представлена в современной поэзии Севера колхозная тема. Поэты воспевают радостный труд на обновленной земле, славят знатных колхозников, показывают как новая жизнь вошла в каждый дом, в каждую семью.

Неузнаваем стал прежде мертвый Север. Всюду выросли города, заводы, совхозы. Трактор поднимает вековую целину, зеленеют поля, цветут сады. Пароходы и самолет разбудили безмолвные просторы. Тема великого преобразования родной земли все сильнее звучит в творчестве И. Истомина, А. Платонова, Н. Сахарова и других. Эта же тема отражена в стихотворении «Новая тайга» Г. Чинкова, воспевавшего ранее девственную природу родного края («Сахалинская тайга») ⁷⁹. Теперь в дикой чаще звенят топоры и строятся деревни. Пашни и огороды потеснили леса. Законной гордостью звучат слова поэта:

Это нашей рукой
Школы открываются,
Это нашей рукой
Почва поднимается.

Новая тайга любя поэту больше старой:

Хороша моя тайга,
Тайга дорогая,
Соболиная тайга —
Каждый день другая ⁸⁰.

Произведения поэтов Севера привлекают своей безискусственностью и большой простотой художественных приемов. Им чужды формально-поэтические приемы, нарочитость, изощренность. Усиливающие образность сравнения черпаются из близкой, каждодневной действительности. В стихах А. Самара письмо несется «словно птица», а на род возрождается, как «растение в цвету» («Письмо Родине»). Н. Тарабукину дом кажутся с высоты «рассыпанным бисером», а поля — «пестрыми одеяльцами» («Поле

⁷⁸ «Север поет», Л., 1939, стр. 29.

⁷⁹ Г. Чинков - Эдян, Стихи, Л., 1939, стр. 124.

⁸⁰ Г. Чинков, Новая тайга, Журн. «Сибирские огни», 1951, № 3

на планере»). Естественность и непосредственность вместе с ясным прозрачным языком и оригинальной ритмичностью придают стихам своеобразную прелесть. Характерная черта, частая и в прозе, — лаконичность, предельная скупость поэтической речи, усиливающая ее выразительность.

Художественная форма поэтических произведений заметно совершенствуется. В начале молодые поэты пользовались только унаследованными от фольклора исконными приемами стихосложения и традиционными изобразительными средствами: аллитерацией (по первому и по ударному слогу), синтаксическими параллелизмами, гармонией гласных, устойчивыми эпитетами и метафорами, особыми формами слов, присущими лишь поэтической речи. Под непосредственным влиянием русской поэзии наряду со старыми приемами все чаще стал появляться силлаботонический, рифмованный стих.

* * *

Зачатки драматургии в литературе народов Севера возникли непосредственно из художественной самодеятельности. Первые постановки являлись обычно инсценировками, импровизациями на темы борьбы с шаманами и кулаками. Кто-либо из участников коллектива давал тему и писал текст, похожий на сценарий («обозначение действий», как тогда говорили), а актеры сами сочиняли свои роли. Процесс создания первых пьес хорошо показан писателями: С. Бытовым у туминских ороков⁸¹, В. Вагдаем — у сахалинских нивхов⁸². Так возникли, например, чукотские пьесы «Поражение шамана», задуманная курсантом пропагандистом Тумгекаем, и «Шаман», созданная председателем Лоринского колхоза Енюком. Так же была создана нивхская пьеса «Кулак», принадлежащая колхознику П. Байгуну, и другие.

Затем стали выступать писатели. Так, И. Ного написал пьесы «Шаман»⁸³ и «Вавле Ненянг» (о национальном герое ненецкого народа), исполняемые и в настоящее время в Салехарде, эвенский поэт И. Бабцев выступил с драмой «Без огня».

Сильнее всего развилось театральное искусство у нанайцев. Коллектив созданного в 1933 г. нанайской молодежью театра состоял из нескольких групп (драматической, хоровой, музыкальной и др.), в репертуар которых входили переводные русские и оригинальные нанайские пьесы. Последние, сильно насыщенные фольклором, отражали прошлую и современную жизнь народа. Конфликты строились обычно на борьбе старого и нового, на разоблачении чуждых современности явлений (пьеса «Лжестехановец» и др.). Театр выступал в Хабаровске, в колхозах Нанайского района и всей Амурской области, он завоевал успех в Москве и Ленинграде. Самодеятельный театр удэ (сел. Бира) ставил устные и импровизированные пьесы, показывая сцены из прошлого и борьбу за новую колхозную жизнь. В настоящее время успешно работает ненецкий драматический кружок в Салехарде. Он ставит в Доме культуры народов Севера русские пьесы на родном языке и произведения ненецких драматургов — И. Истомина и И. Юганпелика.

Весьма существенную часть северного театра составляет богатый этнографический фон: национальный быт, орнамент, танцы, музыкальные и фольклорные мотивы.

* * *

В итоге обзора литературы народов Севера характеристику ее можно свести к следующему.

Основным источником, питающим эту литературу, является социалистическая действительность, новая, советская жизнь. Именно она обогатила творчество прозаиков и поэтов новыми темами, идеями, а в связи с этим и новыми художественными приемами, усилила элементы реализма. Нетрудно убедиться, что с поступательным движением социализма на Севере росла и его национальная литература, обогащалось ее содержание, становилась разнообразнее форма произведений. От первых робких опытов в институтских сборниках «О нашей жизни» или «Тайга и тундра» до поэзии и прозы А. Самара, Н. Тарабукина, Д. Кимонко литература всего за несколько лет прошла огромный путь.

Отличительная черта молодой литературы народов Севера — явное преобладание поэзии, вообще характерное для начальных этапов формирования и развития литературы малодписанных народностей. Не появилось еще крупных эпических форм: почти нет поэм, отсутствует роман. Наиболее распространены песня, стихи, рассказ, небольшая повесть. Ограничена и тематика произведений, отражающих пока лишь отдельные черты нашей действительности.

Очень велико в развитии литературы народов Севера значение биографического материала и устного народного творчества. Личная биография писателя, отражающая судьбу целого народа, помогает ему вскрыть типические черты эпохи, насытить произведение богатymi и правдивыми картинами старой и новой жизни, сочетать современные мотивы с судьбой героя. Жанр этот создан нашими писателями вполне самостоятельно и весьма характерен для литературы не только малых народов Севера, но и для других,

⁸¹ С. Бытовой, На счастливой реке, Л., 1954.

⁸² В. Вагдаев, По стойбищам народа Нихах, «Молодая гвардия», М., 1934.

⁸³ Иван Ного, Шаман, Пьеса в 3 актах под ред. и с пер. на русский язык Г. Д. Вербова, Комитет нового алфавита, Салехард, 1937.

опять-таки младописменных народов Сибири (алтайцев, тувинцев, якутов)⁸⁴. Исток его, надо полагать, лежат в тех, очень своеобразных автобиографиях, которые относятся ко времени пребывания молодежи в национальных техникумах и являющиеся по своему содержанию и форме как бы зачатками литературных произведений. Яркие образцы таких жизнеописаний, принадлежащие эвенку А. Платонову, нанайцу А. Самару, корякам Вацакалэну, Енагыту, Како, Кэчгын-айнавыну, Кецаю, Кеккетыну и другим, дошел до нас во всей их неприкосновенности и были в свое время опубликованы⁸⁵. Они весьма далеки от обычных автобиографий, сухих комментариев к анкетам. Выразительные, живо написанные, а бы даже сказал, сюжетные, биографии эти превратились впоследствии под более опытным пером тех же авторов, в первые рассказы и повести. Это видно например, при сопоставлении автобиографий Како и Кецаю с их рассказами⁸⁶.

Фольклор играет, само собой разумеется, огромную роль в литературе бесписьменных в прошлом народов, знавших только устное выражение художественного мышления. Однако степень влияния фольклора на литературу народов Севера различна в разных этапах ее развития. В первое время молодежь ограничивалась простым письменным пересказом знакомых ей образов народного творчества. Таковы фольклорные произведения Хатанзейского, Ачкина и других в сборниках и журналах конца 1920 начала 1930-х годов. Затем начинающие писатели стали воспроизводить фольклор литературно обработанной форме. Примером служат ненецкие сказки Пырерка, корякские Баранникова и Нутэвийна, чукотские Тынэтэгына, старинные нанайские песни С. Мара («Гость-женых», «Расписная оморочка») или, наконец, эвенкийские «Песни-пляски» Платонова, Сахарова и Трофимова. Одновременно начали появляться созданные на основе устного творчества новые, вполне оригинальные произведения в близких к фольклору формах. Сюда относятся: поэтические произведения на сюжеты народных сказ Салаткиной-Вакувагир («Интылгучан»), Самара («Два старика», «Лиса и медведь» Чинкова («Сулакичан», «Мэнтункэн»), эпические сказания Салаткина-Лонтогир («Гелаллукон и Ульгэриккэн») и того же Чинкова («Гарпаниндя»). Все эти произведения далеки от простого подражания устному творчеству, но в них широко использовано его богатое наследие: сюжеты, язык, образы, художественные приемы. Сохранены и презн творческие традиции, воплощающие в образах мотив борьбы добра и зла, заветны думы и надежды народа. Вместе с тем на них лежит явный отпечаток новых взглядов писателей как передовых представителей своего народа. Это сказывается в стремлении к реализму, отказе от фольклорной фантастики и в новых идеях, насыщающих э произведения.

Помимо такой прозы и поэзии, возникшей непосредственно из народного творчества воздействие фольклора испытывают в той или иной мере и другие произведения. В них постоянно встречаются разные жанры фольклора (песни, сказки, предания, п словницы) и его художественные приемы (традиционные метафоры, сравнения, эпитет аллитерация, повторы и др.). В прозу Вылка, Еврина, Кимонко, Кеккетына, Сахаров и других писателей влетают поэтические строфы, превращающиеся иногда в цел диалоги персонажей. В стихотворениях Самара, Платонова, Солтураевой и проч поэтов стойко сохраняется перешедший из фольклора песенный припев, зачастую и переводимое восклицание или звукоподражание.

Характерно, что наиболее сильное и разностороннее влияние фольклора наблюлось на самом раннем этапе развития литературы народов Севера. С ростом культуры традиционные формы перестали удовлетворять писателей, которые не могли уже п помощи старых изобразительных средств передать новые явления и вызванные и переживания. Это особенно ясно видно в творчестве таких прозаиков и поэтов, к: Савин, Казанцев, Семенов, Самар, Чинков, Платонов. В произведениях на современн темы они хотя и сохраняют некоторые традиционные приемы, но избегают несозвучи нашим дням архаизмов. Новаторство пришло в их творчество под прямым воздействием русской литературы.

Влияние русской литературы, обогащающей творчество северных писателей новы идеями и художественными средствами, чрезвычайно велико и плодотворно. Вопрос влияния русской культуры на развитие национальных культур народов Советского С вера — тема особого исследования. Отметим лишь, что от классической и советской ру ской литературы писатели народов Севера воспринимают замечательный реалистическ опыт, простоту речи, идеи глубокого гуманизма и народности. Лучшие произведени современной советской литературы помогают им приобретаться к методу социалистич ского реализма. В связи с этим нельзя не вспомнить о многолетней творческой дру

⁸⁴ Сошлемся хотя бы на творчество известных писателей — алтайца Павла Кучия тувинца Солчак Тока, якута Эрилик Эристина.

⁸⁵ «Автобиографии эвенков», «Автобиографии коряков», «Отрывки из автобиографи алюторцев — курсантов Окружной советско-партийной школы Корякского нац. округа «Советская этнография», сб. 1, Л., 1938; А. В. Б а з а н о в и Н. Г. К а з а н с к и й, Шк ла на Крайнем Севере, Л., 1939; «Моя жизнь» в кн. А. Платонова «Избранные стих твования и песни», Л., 1939; «Моя жизнь» в кн. К. Кеккетына «Эвныто батрак», Л 1936.

⁸⁶ С. Н. С т е б н и ц к и й, Наша книга, ч. 2. Пер. с нымыланского (корякског языка, Л., 1935; Книга для чтения, ч. 2, Пер. с корякского (нымыланского) языка, Л. 1940.

бе, связывающей молодых северян с русскими писателями — их неизменными переводчиками, редакторами и наставниками.

Ранее всего влияние русской литературы проявилось в стихосложении. Присущее северянам чувство ритма сказалось особенно сильно в тех впечатлениях, которые производила на них музыка русской поэзии. Не зная еще хорошо русского языка, начинающие поэты запоминали много русских стихотворений и образно сравнивали их с журчанием ручейка, дыханием ветра и другими привычными звуками многоголосой природы. Из таких глубоких и незабываемых впечатлений родилось стремление к гармонии, рифме, образности.

Не менее благотворно воздействовала русская литература на северную национальную прозу. Непосредственно под этим влиянием эпически спокойный язык фольклора стал гораздо более живым и выразительным. Начала исчезать характерная для фольклора многих народов краткость речи, а вместе с ней и скудость на детали. Появились такие художественные средства, как описание пейзажа, прием сравнений, психологическая мотивировка поступков действующих лиц. Улучшилась композиция произведений. Надо подчеркнуть, однако, что заимствуются именно только приемы, а самые образы, вполне самобытные и оригинальные, создаются на своем национальном материале.

Черты реализма, присущие северной литературе с самого ее возникновения, в дальнейшем усилились. Вызвано это творческим ростом писателей и преобладанием в литературе новой, почерпнутой из действительности тематики. Названные выше произведения Еврина, Вахрушевой, Вылка, Савина и других авторов глубоко реалистичны. Жизненно типичны богатые картины быта и различные эпизоды со всеми конкретными деталями, правдивы и образы людей, трактуемые совершенно иначе, чем в фольклоре. Современные персонажи унаследовали от прежних героев такие традиционные черты, как силу, мужество, честность, преданность своему народу. Но вместе с тем они вполне реалистичны, освобождены от сверхъестественных свойств, которыми наделяла их в старых сказках и былинах фантазия народа. Исчезло вмешательство потусторонних, добрых и злых сил в судьбу героев. Удачей они обязаны не помощи духов, а собственным, совершенно реальным качествам: смелivosti, храбрости, великодушию и т. д. Мало того, современные герои сами ломают устаревшие традиции, борются с отживающими обычаями и именно благодаря этому одерживают победу.

Национальная форма художественной литературы народов Севера находит свое выражение, прежде всего, в живом образном языке, вскрывающем богатства народной мудрости и речи. В сочетании со всей системой художественных средств (образов, сравнений и эпитетов, параллелизмов, прямых повторов и пр.) язык создает национальный стиль произведений. Национальный колорит находит свое выражение также в широком отображении многообразных явлений материальной и духовной жизни народа, его исторического прошлого, трудового опыта и домашнего быта, вкусов и воззрений, традиций и обычаев, — словом, того, что Н. Г. Чернышевский называл «национальным характером»⁸⁷.

Развивающаяся проза и поэзия вместе с национальной печатью, учебными и другими изданиями играет громадную роль в создании литературного языка народов Севера. Литературный язык уже в настоящее время несравненно богаче старого, фольклорного: он непрерывно обогащается новыми словами, заимствуемыми в большинстве случаев из русского языка. Так появились, между прочим, не только новые самостоятельные, но и служебные слова — союзы и предлоги, отсутствовавшие прежде во многих северных языках. Развитие литературного языка служит могучим средством приобщения широких народных масс к социалистической культуре в близкой им национальной форме.

Появившаяся лишь в советскую эпоху литература народов Севера могла возникнуть и сформироваться только как подлинно народная литература. Отражая в художественной форме жизнь народа, воплощая его лучшие традиции и современные прогрессивные устремления, литература эта действительно близка и понятна народу. Она развивается как органическая часть единой многонациональной советской литературы. Создавая социалистические по содержанию и вместе с тем самобытные по форме произведения, народы Севера вносят свою долю в советскую культуру. Глубоко идейные произведения литературы служат мощным орудием воздействия на жизнь, воспитания нового человека, борьбы с исчезающими, чуждыми современности пережитками.

М. А. Сергеев

П. П. Иванов. *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.* М.—Л., 1954.

Рецензируемая книга состоит из трех частей: первая — исследование П. П. Иванова, вторая — переводы документов из архива шейхов Джуйбара и третья — приложение в виде отрывков арабского текста. Книга снабжена указателями (составлены О. К. Ивановой) личных имен, географических названий и терминов.

⁸⁷ Н. Г. Чернышевский, О различиях между народами по национальному характеру. В статье: Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории; Избранные философские сочинения, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 245 и сл.